

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Огонь: священный и нечестивый

« Шмини »

Шок колоссальный. Несколько недель, в главе за главой — это самый длительный пролог в Торе — мы читали о приготовлениях к моменту, когда Б-г ниспослет Свое присутствие, чтобы оно обитало посреди народа. В пяти недельных главах («Трума», «Тецаве», «Ки тиса», «Ваякгель» и «Пекудей») изложены инструкции по строительству Святилища. В двух главах («Ваикра» и «Цав») детально описываются священные жертвы, которые надлежит там приносить. Теперь все готово. В течение семи дней священники (Аарон и его сыновья) проходят посвящение для служения Б-гу. И вот наступает восьмой день, когда служение в Мишкане начнется (Ваикра, 25:35).

Весь народ принял участие в строительстве того, что станет домом для Б-жественного присутствия на земле. В простом и трогательном стихе драматизм достигает пика: «Моше и Аарон вошли в Шатер Встречи, вышли оттуда и благословили народ. И тут Слава Г-спода явилась всему народу» (Ваикра, 9:23).

И когда нам кажется, что повествование достигло своего логического завершения, разыгрывается ужасающая сцена:

«Сыновья Аарона — Надав и Авиу — взяли каждый свой совок, положили в них огонь и благовония и принесли Г-споду чуждый огонь, чего Он им [делать] не велел. [Тогда] огонь, вышедший от Г-спода, сжег их — они умерли пред Г-сподом. Сказал Моше Аарону: "Вот о чем говорил Г-спод: 'На близких ко Мне Я явлю Свою святость, перед всем народом Я прославлюсь!'"» (Ваикра, 10:1–3).

Торжества обернулись трагедией. Два старших сына Аарона умерли. Мудрецы и комментаторы дают много объяснений. Надав и Авиу умерли, потому что вошли в Святая святых¹; не облачились в надлежащие одежды²; взяли огонь с кухни, а не с

¹ Мидраш Танхума (изд. Бубера), Ахарей (мот), 7.

² Ваикра раба, 20:9.

алтаря³; не посоветовались с Моше и Аароном⁴; не посоветовались между собой⁵. Некоторые полагают, что Надав и Авиу провинились тем, что много о себе возомнили. Им не терпелось взять на себя руководящую роль⁶. Они не вступали в брак, полагая себя выше подобных вещей⁷. А иные комментаторы считают их смерть отсроченной карой за более раннее прегрешение, когда на горе Синай они «ели и пили» в присутствии Б-га (Шмот, 24:9–11).

Эти истолкования представляют собой внимательное прочтение четырех мест Торы, где упоминается смерть Надава и Авиу (Ваикра, 10:2; 16:1; Бемидбар, 3:4; 26:61), а также упоминания об их пребывании на горе Синай. Каждое из этих истолкований — вдумчивое размышление о рисках, которые несет чрезмерная ревностность в религиозной жизни. Однако самое простое объяснение — то, которое без обвиняков дает сама Тора. Надав и Авиу умерли, потому что принесли Г-споду несанкционированный — буквально «чуждый» — огонь, то есть «огонь, насчет которого не было повеления». Чтобы постичь всю значимость этого, мы должны вернуться к главным принципам и напомнить значение слова «кадош» («священный») и вытекающее из него значение слова «микдаш» (так называют обители всего священного).

Священное — тот сегмент времени и пространства, который Б-г приберет для Своего присутствия. *Сотворение предполагает сокрытие.* Слово «олам» — «вселенная» — семантически связано со словом «не'елам» — «сокрытое». Чтобы наделить человечество некоторыми из Своих творческих способностей — умениями использовать язык для мышления, общения, понимания, а также для того, чтобы вообразить альтернативные варианты будущего и выбрать один из них, — Б-г должен сделать нечто большее, чем просто сотворить хомо сапиенса. Он должен Сам Себя ограничить, скромно отойти в тень (сделать то, что каббалисты называли «цимцум»), дабы создать пространство для деятельности человека. Нет другого такого деяния, которое ярче свидетельствовало бы о любви и великодушии, заложенных в акте творения. Б-г, каким мы видим Его в Торе, — словно родитель, сознающий, что должен воздерживаться от вмешательства, предоставить всему идти своим чередом, ни во что не вступать: так нужно, чтобы дети стали ответственными за свои поступки, зрелыми людьми.

Но всему есть предел. Полностью отойти в тень — все равно что покинуть мир на произвол судьбы, бросить Своих детей. На такое Б-г пойти не может и никогда не пойдет. Но каким же образом Б-г оставляет в земном мире следы Своего присутствия?

На этот вопрос Библия отвечает не так, как философия. Ответ философии (я говорю о доминирующем течении западной философии, которому в античности положил начало Платон, а в Новое время — Декарт), по идее, должен быть универсальным, то есть применимым ко всем временам и странам. Но ответа, применимого ко всем временам и странам, не существует. *Именно поэтому философия не в силах понять и никогда не поймет видимого противоречия между сотворением мира Б-гом и свободой воли человека, между Б-жественным присутствием и эмпирическим миром, где мы размышляем, делаем выбор и действуем.*

Еврейская мысль идет вразрез с философией. Еврейская мысль настойчиво твердит, что истины воплощаются именно в конкретные времена и в конкретных местах. Есть

³ Мидраш Танхума (изд. Бубера), Ахарей (мот), 7.

⁴ Ялькут Шимони, Шмини, 524.

⁵ Мидраш Танхума (изд. Бубера), Ахарей (мот), 7.

⁶ Мидраш агада (изд. Бубера), Ваикра, 10.

⁷ Ваикра раба, 20:10.

священные времена (седьмой день, седьмой месяц, седьмой год и конец семи циклов из семи субботних лет — юбилейный год). Есть святые люди (сыны Израиля в целом; среди них — сыны Леви, а среди сынов Леви — коаним). Есть также священное пространство (в конечном счете Израиль; в Израиле — Иерусалим; в Иерусалиме — Храм; в пустыне то были Мишкан, Святилище и Святая святых).

Священное — та точка пространства-времени, где присутствие Б-га встречается с цимцум — самоотречением — со стороны человечества. *Точно так же как Б-г путем самоограничения выделяет пространство для человека, так и человек путем самоограничения выделяет пространство для Б-га.* Священное — то, где и когда Б-г ощущается как абсолютное присутствие. Причем это возможно — не по случайному совпадению, таково существенное условие — только путем полного отречения человека от собственной воли и инициативы. Не подумайте, что Б-г не ценит человеческую волю и инициативу. Напротив, Б-г уполномочил людей проявлять волю и инициативу, чтобы они стали Его «партнерами по труду сотворения».

Однако, чтобы люди хранили верность Б-жьему замыслу, должны существовать времена и места, где человечество ощущает реальность Б-жественного. В эти времена и в этих местах от человека требуется абсолютно беспрекословное повиновение. Самой страшной ошибкой — а именно эту ошибку совершили Надав и Авиу — было бы применить при соприкосновении человека с Б-жественным те способности, которые уместны при соприкосновении человека с миром. Если бы Надав и Авиу проявили личную инициативу для борьбы со злом и несправедливостью, они были бы героями. Но когда они проявили личную инициативу в сфере священного, они согрешили. Они попытались самоутвердиться, афишируя свое присутствие в абсолютном присутствии Б-га. А эти два термина противоречат друг другу. Вот в чем причина смерти Надава и Авиу.

Мы заблуждаемся, если считаем Б-га капризным, ревнивым, гневливым: этот миф распространило раннее христианство, пытаясь провозгласить себя религией любви, вытеснившей жестокого/сурового/карающего Б-га Ветхого Завета. Когда такие выражения употребляются в самой Торе, она «говорит на языке людей»⁸ (Брахот, 31а) — то есть словами, которые будут понятны людям.

В действительности Танах, с начала до конца, всецело история любви: страстной любви Творца к Его творениям, не погасшей после всех разочарований и вероломных поступков в истории человечества. Б-гу нужно, чтобы мы соприкоснулись с Ним, не потому, что Он нуждается в человечестве, а потому что мы нуждаемся в Нем. Чтобы цивилизация руководствовалась любовью, правосудием и уважением к внутренней целостности творения, должны существовать моменты, когда мы оставляем позади свое «я» и соприкасаемся с полнотой бытия во всем его великолепии.

Именно эту функцию несет священное: точка, где «я-я-я» умолкает во всепобеждающем присутствии «се есть Он». Именно об этом запамятовали Надав и Авиу: чтобы войти в священное пространство или священное время, необходимо онтологическое смирение, полное отречение от свойственных человеку инициативы и желаний.

Значимость этого факта невозможно переоценить. Когда мы не разбираем, где Б-жья воля, а где наша собственная, то превращаем священное — источник жизни — в нечто нечестивое и источник смерти. Классический пример этого явления — «священная

⁸ Вавилонский Талмуд. Трактат Брахот. Т. I. М.: Книжники; Лехаим, 2017. С. 451. — Примеч. перев.

война», джихад, крестовый поход, когда империализм (желание властвовать над другими народами) маскируется под святое дело, словно завоевания и принудительное обращение в свою веру совершаются по воле Б-га.

История Надава и Авиу в очередной раз напоминает о предостережении, впервые изложенном без обиняков во времена Каина и Авеля. *Первый акт поклонения Б-гу привел к первому убийству.* Поклонение Б-гу, подобно делению атомного ядра, генерирует энергию, которая может быть как благотворной, так и опасной.

Эпизод с участием Надава и Авиу написан огнем — тремя разновидностями огня. Первая разновидность — огонь с неба:

«...от Г-спода вышел огонь и спалил на жертвеннике жертву всесожжения и жир...» (Ваикра, 9:24).

Это был огонь благосклонности, завершающий служение в Святилище. Затем появился «чуждый огонь», принесенный двоими сыновьями Аарона.

«Сыновья Аарона — Надав и Авиу — взяли каждый свой совок, положили в них огонь и благовония и принесли Г-споду чуждый огонь, чего Он им [делать] не велел» (Ваикра, 10:1).

А затем с неба снизошел противодействующий огонь:

«[Тогда] огонь, вышедший от Г-спода, сжег их — они умерли пред Г-сподом» (Ваикра, 10:2).

Мысль, которую доносит этот эпизод, проста и чрезвычайно серьезна. Религия вовсе не такова, какой должна была стать «по прогнозам» европейского Просвещения, — это не немое кроткое *существо*, оттесненное на обочину. Религия — это огонь, и, подобно огню, она согревает, но также и обжигает. А мы — хранители этого огня.